

Павлюченко Александр Владимирович

ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА ОДНОСТОРОННЕЙ РЕВИЗИИ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА И РЕАКЦИЯ США (ОКТАБРЬ 1933 Г. - МАРТ 1935 Г.)

В статье автор стремится объяснить бездействие западных держав и, прежде всего, пассивную реакцию США на перевооружение Германии после ее ухода с Женевской конференции по разоружению. Реакция США на политику Германии, направленную на ревизию Версальского договора, представляет особый интерес ввиду того, что германо-американские отношения в первые годы правления Адольфа Гитлера и Франклина Рузвельта сравнительно мало изучены.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 110-118. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(100)"1933/35"

Исторические науки и археология

В статье автор стремится объяснить бездействие западных держав и, прежде всего, пассивную реакцию США на перевооружение Германии после ее ухода с Женевской конференции по разоружению. Реакция США на политику Германии, направленную на ревизию Версальского договора, представляет особый интерес ввиду того, что германо-американские отношения в первые годы правления Адольфа Гитлера и Франклина Рузвельта сравнительно мало изучены.

Ключевые слова и фразы: германо-американские отношения; Адольф Гитлер; Франклин Рузвельт; политика «мнимого миролюбия»; ревизия Версальского договора; Женевская конференция по разоружению; введение всеобщей воинской повинности.

Александр Владимирович Павлюченко

*Кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
satirzenit@yandex.ru*

ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА ОДНОСТОРОННЕЙ РЕВИЗИИ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА И РЕАКЦИЯ США (ОКТАБРЬ 1933 Г. — МАРТ 1935 Г.)[©]

Как правило, ранее акцент в историографии делался на изучении американо-германских отношений в годы, непосредственно предшествовавшие началу Второй мировой войны. Отношениям между странами в первые годы правления Адольфа Гитлера и Франклина Рузвельта уделено значительно меньшее внимание.

В чем заключается важность изучения американо-германских отношений именно на данном этапе?

Во-первых, США, наравне с Англией и Францией, были одним из творцов Версальско-Вашингтонской системы. Поэтому интересно проанализировать, как один из творцов системы относился к действиям, прямо направленным на ее ревизию.

Стоит особо отметить одно обстоятельство: по мирному договору с Германией, подписанному в 1921 г., США обладали теми же правами и преимуществами в отношениях с Германией, что и Великобритания и Франция, несмотря на то, что Соединенные Штаты не подписывали Версальский договор. Иными словами, осуществляя ревизию Версальского договора, Германия тем самым нарушала свои обязательства по отношению к США.

Во-вторых, США и Германия географически находятся далеко друг от друга, и это придавало германо-американским отношениям тех лет свою специфику. «Фактор США» в 1933-1935 гг. не играл большой роли при формировании и проведении внешней политики Германии. Для Германии большее значение имели позиции Англии и Франции, а не США. Гитлер считал благоприятное отношение Соединенных Штатов к политике Германии хотя и нужным, но не особенно важным: «Америка может оставаться в рамках своей системы, но она никогда не сможет диктовать нам наш исторический путь» [20, S. 99].

В то же время чиновники МИД Германии были уверены в необходимости сохранения традиционно благоприятных отношений с США и использования фактора американского изоляционизма для постепенной ревизии постановлений Версальского договора.

Что касается Соединенных Штатов, то, с одной стороны, администрация Рузвельта, несомненно, была заинтересована в стабильности в Европе. Сам Рузвельт, государственный секретарь К. Хэлл и многие другие были всерьез встревожены начавшимся перевооружением Германии.

С другой стороны, Рузвельт не мог не учитывать в своей политике изоляционистские настроения, которые преобладали в деловых кругах, американском общественном мнении и Конгрессе. Изоляционисты считали, что перевооружение Германии не является непосредственной угрозой безопасности Соединенных Штатов.

Американское общественное мнение даже сочувствовало требованиям ревизии Версальского договора, который после его отклонения Сенатом был почти так же непопулярен среди американцев, как и среди немцев [19, p. 79].

Оба этих фактора в 1933-1935 гг. оказывали влияние на политику США в отношении Германии, определяли реакцию Вашингтона на ее перевооружение.

В 1933-1935 гг. Германия проводила политику «мнимого миролюбия». На закрытых совещаниях Адольф Гитлер разъяснял свою позицию кратко и откровенно: «Только призывы к миру и никаких территориальных требований, пока не станем сильными» [5, с. 213]. Пропаганда миролюбивой внешней политики проводилась с целью не допустить осложнений для Германии на международной арене. Канцлер понимал, что для осуществления ревизии Версальского мирного договора необходимо, прежде всего, упрочить военное, политическое и финансовое положение Германии. Первоочередной задачей при этом становилось проведение перевооружения.

В 1933 г. предполагалось выполнить эту задачу с помощью дипломатических методов, достичь легализации уже начавшегося процесса перевооружения Германии в рамках проходившей в Женеве конференции по разоружению. США же стремились заключить соглашение о разоружении «сильно вооруженных государств», сохранить значение статей Версальского договора.

В октябре 1933 г. Германия прекратила участвовать в работе Женевской конференции. Это означало переход к политике односторонней ревизии Версальских постановлений.

План министра иностранных дел Великобритании Джона Саймона, предполагавший международный контроль в отношении вооружений Германии в течение 8 лет, был для Гитлера абсолютно неприемлемым. 9 октября государственный секретарь США Корделл Хэлл в беседе с послом Германии в Соединенных Штатах Гансом Лютером отметил, что Германия может через несколько лет достичь паритета в вооружениях, «если подождет разоружения остальных государств, если прекратит предпринимать те меры по перевооружению, которые уже проводит, нарушая Версальские постановления» [38, р. 230]. Но Гитлер не был готов пойти даже на обсуждение предложенного Саймоном проекта, и 14 октября было объявлено об уходе Германии с Женевской конференции. Одновременно Германия вышла и из Лиги Наций.

Аллен Даллес, входивший в состав американской делегации на конференции, справедливо предполагал, что решение об этом было принято раньше, так как Гитлер был уверен, что его требование перевооружения другие державы не примут [25, р. 266].

Стоит отметить, что уже летом 1933 г. были заложены долгосрочные предпосылки для перевооружения Германии: были созданы первые подразделения танковых войск; ещё в мае был принят новый расширенный план ускоренного строительства военно-воздушного флота, причем главное внимание в нем уделялось бомбардировочной авиации.

Очевидной становилась несовместимость планов ремилитаризации с участием Германии в конференции по разоружению. 13 октября на заседании кабинета министров Гитлер заявил: «Нам позволено 200 тысяч без дополнительных оборонительных вооружений. Кроме того, предусмотрен международный контроль, а разоружение других государств начнется только через четыре года... Германия не может подписать такую конвенцию. Надо сорвать проект и торпедировать конференцию. Путь переговоров теперь закрыт» [24, v. I, р. 923].

Для усиления позиции Германии Гитлер предложил одновременно распустить рейхстаг, назначить новые выборы и призвать народ путем референдума высказаться за миролюбивую политику правительства. Как он считал, тем самым остальной мир будет лишен возможности обвинить Германию в проведении агрессивной политики. 12 ноября 95,1% жителей Германии одобрили политику правительства Гитлера на плебисците, чем еще больше укрепили его положение в стране [2, д. 20, л. 116].

Министр пропаганды Й. Геббельс заявил 16 октября: «Германия покинула конференцию только потому, что с ней обращались как с государством второго сорта. Такого положения мы не могли допустить» [10, д. 2, л. 10].

Нельзя не указать, что канцлер опасался жестких ответных мер Англии и Франции. Этим объясняется директива военного министра В. фон Бломберга армии от 25 октября, в которой отмечалось: «В первую очередь следует ждать оккупации некоторых немецких территорий» [6, с. 337]. Опасения насчет санкций оказались напрасны. 17 октября Гитлер заявил министрам: «Критический момент, по-видимому, прошел» [24, v. II, р. 12].

Стоит отметить, что Гитлер не ждал угрозы от Соединенных Штатов, поскольку те не являлись членом Лиги Наций. В данном случае оценка «фактора США» оказалась реалистичной. Глава американской делегации Норман Дэвис сначала осудил действия Германии, но после срочной инструкции Госдепартамента взял свои слова обратно [4, с. 118].

В США в октябре 1933 г. наблюдался всплеск антигерманских настроений: в частности, об этом свидетельствует состоявшийся в этом месяце съезд Американского конгресса против войны и фашизма, на котором присутствовали представители 35 штатов [18, р. 88].

В качестве реакции на действия немцев государственный секретарь К. Хэлл телеграфировал Н. Дэвису, что в США «широкое возмущение гитлеровским правительством совмещается с единодушным мнением, что мы не должны позволить себе вовлечения в европейское политическое развитие» [14, с. 40]. Эти слова Хэлла можно определить как основную линию американской внешней политики в отношении Европы в первые годы пребывания Рузвельта у власти.

16 октября Дэвис перед отъездом из Женевы заявил: «Мы находимся в Женеве исключительно в целях разоружения... В ближайшие недели будет обмен мнениями между европейскими столицами. Мы не желаем принимать в нем активного участия, так как его содержание – чисто политическое» [8, с. 330].

Советник по экономическим вопросам Госдепартамента Г. Фейс отмечал в своих мемуарах: «Я думал тогда и думаю сейчас, что эффект этого заявления на нашу политику был очень значительным. В Германии газеты вышли под заголовками: “Америка остается вне чисто европейских дел”, “Американская политика полной изоляции от европейской политики”» [26, р. 304].

Так или иначе, США временно отказались от дальнейшего участия в переговорах по вопросам разоружения.

Чем можно это объяснить? Нельзя не принять во внимание традиционную американскую политику изоляционизма. Кроме того, правящие круги США, вероятно, считали, что Германия вернется на конференцию, когда будет найден компромисс (как это произошло в декабре 1932 г.).

Таким образом, 14 октября 1933 г. Германия положила конец выполнению международных обязательств, через которое Г. Штресеман и другие политические деятели Германии надеялись восстановить международный авторитет страны и пересмотреть мирным путем Версальские договоренности.

Гитлер считал продолжение выполнения обязательств неправильным в принципе, унижающим Германию. Он предложил альтернативу: сделать Германию мощной в военном отношении, а затем решить ее проблемы путем сначала перевооружения, а потом завоеваний.

В международных делах это была первая рискованная игра Гитлера в открытую. Она означала, что отныне нацистская Германия начнет перевооружение вопреки всем существующим соглашениям о разоружении и вопреки Версальскому договору.

Со стороны США не последовало даже формального протеста на это действие: Соединённые Штаты не были готовы отойти от политики невмешательства в европейские дела.

После ухода Германии с Женевской конференции США и Германия не обсуждали напрямую вопросы разоружения. Соединённые Штаты могли только повторять о своей готовности присоединиться к другим державам, как только те договорятся о разоружении.

Генеральный консул США в Берлине Дж. Мессерсмит отмечал 23 ноября 1933 г.: «Руководители Германии сейчас не желают мира, если, конечно, это не будет мир за счет полного согласия с желаниями и амбициями Германии... Германия перевооружается» [41, р. 193].

28 декабря 1933 г. Франклин Рузвельт произнес речь, в которой подчеркнул особую ответственность США за сохранение добрососедских отношений со странами Латинской Америки. Это выступление в Германии сочли еще одним подтверждением (после заявления Н. Дэвиса 16 октября) политики невмешательства США в дела Европы. В немецких газетах отмечалось, что «проблема ответственности за сохранение добрососедских отношений с государствами Латинской Америки для США важнее, чем проблемы европейских отношений» [23].

Так или иначе, тема разоружения обсуждалась зимой в рамках переговоров Германии с Англией и Францией. Отметим, что уже в декабре правительство Германии потребовало права на увеличение рейхсвера до 300 тысяч и оснащение вооружением «в количестве, необходимом современной оборонительной армии» [11, с. 19]. Это не могло не вызывать опасений у Соединенных Штатов, не говоря уже о соседях Германии.

Посол США в Польше Джон Кудахи посетил Германию в конце 1933 г. и в письме Рузвельту подчеркивал: «Донесения о военной подготовке большой армии, о накоплении крупных запасов военных материалов, на мой взгляд, безосновательны» [34]. Он не отрицал, что помимо регулярной армии есть еще «формирования, занимающиеся строевой подготовкой» (СА, СС – около 2 млн человек), но ничего воинственного в их деятельности не видел [Ibidem]. Президент в ответном письме выразил надежду, что Кудахи окажется прав, но отметил, что «когда немцы надевают военную форму, очень часто они маршируют за пределы своих государственных границ» [32].

Начало нового 1934 г. удивило многих: 26 января Германия заключила пакт о ненападении с Польшей сроком на 10 лет. Это был логичный шаг в политике «миролюбия», отвлекавшей общественность Запада от перевооружения рейха. В 1934-1935 гг. пакт постоянно упоминался в «мирных» речах канцлера.

Чтобы понять эффект, произведенный пактом о ненападении Германии и Польши, достаточно вспомнить традиционно напряженные отношения между странами. Посол Польши в США В. Соколовский отмечал, что заместитель Хэлла У. Филлипс выразил удовлетворение развитием германо-польских отношений [12, с. 89].

В 1933-1935 гг. немало слов и даже действий Гитлера расходились с внешнеполитической программой, изложенной в «Моей борьбе», и пакт с Польшей – яркий тому пример. Не признавая этот факт, нельзя понять действия политиков стран Западной Европы и США, их пассивную реакцию на явное нарушение международных норм. Политика «мнимого миролюбия» парализовала все попытки противодействия перевооружению Германии.

Успешному созданию образа «миролюбивой» Германии в глазах американцев мешала внутренняя политика нацистского режима. К. Хэлл указывал: «Критика нацистского режима в США становится всё более резкой» [44, в. II, р. 516-520].

Антинацистские настроения американской общественности ярко проявили себя 7 марта 1934 г.: в этот день в Нью-Йорке состоялся общественный судебный процесс «Цивилизованный мир против гитлеризма», на нём присутствовало около 20 тысяч человек.

Решением общественного суда стало следующее заключение: «Лидеры НСДАП говорят о мире, но 1300 тыс. марширующих в военной форме немцев говорят об обратном. Мы, граждане США, заявляем, что правительство Германии свернуло с пути исторического прогресса в сторону варварского деспотизма, угрожающего стремлению человечества к миру и свободе...» [40].

12 марта 1934 г. на встрече с Гитлером посол США в Германии Уильям Додд предложил канцлеру написать личное письмо Рузвельту, в котором бы Гитлер одобрил позицию президента по вопросам разоружения [17, в. II, S. 581].

Гитлер удивился, но решил последовать совету Додда. В подготовленном министром иностранных дел К. фон Нейратом послании высказывалось пожелание успехов Рузвельту в его деятельности на посту президента, восхищение канцлера героическими усилиями президента по борьбе с экономической депрессией, но отсутствовало даже упоминание проблемы разоружения [44, в. II, р. 419]. Вероятно, Гитлер, принимая во внимание заявление Дэвиса 16 октября и речь Рузвельта 28 декабря, считал на тот момент более целесообразным обсуждение вопросов разоружения с Англией и Францией.

Какую ценность могли иметь многочисленные заявления Германии о своей готовности не перевооружаться (при разоружении других держав), если она уже перевооружалась в нарушение Версальских договоренностей? По словам генерала Томаса, который руководил военно-экономическим управлением верховного главнокомандования, уже в 1934-1935 гг. «машина военного производства Германии была запущена на полный ход» [6, с. 265].

В начале 1934 г. по приказу Гитлера началось строительство двух линкоров водоизмещением в 25 тыс. т (по Версальскому договору было разрешено водоизмещение 10 тыс. т). Тайком из Испании и Финляндии были доставлены 12 подводных лодок [9, с. 256]. Гитлер дал указание командующему флотом адмиралу Э. Редеру хранить в тайне программу строительства подводных лодок, фактический тоннаж и скорость кораблей. Тогда же Имперский совет обороны, созданный в апреле 1933 г., утвердил огромный список предприятий, которые должны были перейти на военное производство. По Версальскому договору в Германии могли работать только несколько крупных заводских цехов или военных заводов.

Еще в 1932 г. был разработан «план А», предусматривавший создание армии мирного времени в 21 дивизию (300 тыс.) к 1937 г. Но в начале 1934 г. под давлением Гитлера срок выполнения этого плана был перенесен на осень 1934 г. [35].

Генерал Людвиг Бек, начальник управления сухопутных войск Германии, выступил против плана создания 300-тысячной армии к октябрю 1934 г.: «Эта мера может стать последней каплей, которая переполнит чашу терпения» [15, с. 19]. Л. Бек опасался реакции других стран и сомневался в технической возможности осуществления этого шага. Но Гитлер уже всё для себя решил.

Численность рейхсвера в 1932-1934 гг.

Время	Численность (чел.)
1 октября 1932 г.	100 000
1 апреля 1933 г.	102 500
1 октября 1933 г.	110 000
1 апреля 1934 г.	170 000
1 октября 1934 г.	240 000

Как видно из таблицы [39, S. 89], начало создания вермахта было медленным. Только в апреле 1934 г. был произведен первый серьезный набор: 50-70 тысяч. Одновременно были значительно увеличены военные расходы Германии. 29 марта 1934 г. в последний раз был опубликован военный бюджет Германии (на 1934-1935 год): расходы на ВВС выросли с 78 до 210 млн марок, на рейхсвер – с 344,9 до 574,5 млн марок [1, с. 81]. Все эти события не могли остаться без внимания со стороны мировой общественности.

Американский атташе в Германии по торговле Дуглас Миллер писал в апреле 1934 г.: «Нацисты не удовлетворены существующей картой Европы. В глубине души они настроены воинственно и агрессивны. Нельзя отрицать, что они хотят мира на несколько лет для того, чтобы перевооружиться... Это может быть период в 5 лет, в 10 лет или дольше. Но чем лучше они подготовятся, тем более вероятной будет крупномасштабная война в Европе» [21, р. 110].

Вскоре от торгового атташе в Германии У. Торпа Рузвельту стало известно о том, что «американский концерн “Юнайтед Эйркрафт” продает Германии материалы, достаточные для создания 100 самолетов в месяц, и постоянно увеличивает поставки, так как немцы на этом настаивают. Уже сейчас у концерна есть заказы на оборудование для 2000 самолетов, и через год у Германии будет 2500 самолетов» [30]. Никакой официальной реакции президента на это сообщение не последовало. Возможно, Рузвельт, помня о судьбе резолюции об эмбарго на продажу оружия странам-агрессорам (все надежды на принятие этой резолюции были рассеяны изоляционистами в комитете по международным отношениям Сената в мае 1933 г.), считал, что на данный момент с этим ничего нельзя сделать.

Уже в сентябре 1934 г. комиссия Дж. Ная, расследовавшая деятельность американских военно-промышленных компаний, узнала о поставках ими вооружений и стратегического сырья в Германию. В том числе стало известно и о ситуации с концерном «Юнайтед Эйркрафт». Но результатом публикации этих данных, доказывавших, что Германия, нарушая свои обязательства по Версальскому договору и сепаратному договору с США, покупает авиационные моторы и другую технику в Соединенных Штатах и прочих странах, стало лишь усиление изоляционистских настроений в США [18, р. 88].

6 апреля 1934 г. Германия потребовала для себя права на военную авиацию объемом в 30% от общей совокупности военной авиации соседей Германии или 50% от военной авиации Франции [11, с. 75]. Правительство Франции отказалось дальше вести двусторонние переговоры с Германией и стало настаивать на их переносе обратно в Женеву. 29 мая Женевская конференция возобновила заседания, но уже 11 июня прекратила свою работу окончательно.

24 апреля 1934 г. И. Риббентроп был назначен специальным уполномоченным правительства Германии по вопросам разоружения. В начале июня его сотрудник, Ф. Шварц, предложил Н. Дэвису встречу в неофициальной обстановке, на которой можно было обсудить проблемы разоружения [4, с. 128]. Германия хотела потребовать у Версальских держав согласия на перевооружение, а посредником для этого использовать Соединенные Штаты. Дэвис отказался встретиться. Госсекретарь К. Хэлл также считал, что США должны «вести переговоры только по официальным каналам и при извещении об этом Англии и Франции» [44, v. I, p. 120].

Тогда же была утверждена военная программа Германии в области авиации, по которой к осени 1935 г. планировалось создать 27 бомбардировщиков, 6 истребителей, 6 эскадрилий морской авиации [6, с. 337].

Неудавшийся нацистский путч в Австрии 25 июля продемонстрировал всему миру истинную цену заявлений руководителей рейха о миролюбии, невмешательстве во внутренние дела других стран и уважении их суверенитета. Додд писал Рузвельту: «У нас есть множество доказательств, что путч в Австрии рассматривался

как великое немецкое выступление. И лишь после известия о его поражении тон изменился» [27, р. 180]. Несомненно, путч существенно осложнил внешнеполитическую ситуацию Германии. Л. Бек с пессимизмом писал в те дни: «Всё, чего мы с таким трудом добились, потеряно. Все державы, от которых зависит наше перевооружение, против нас» [15, с. 24].

В США с беспокойством смотрели на действия нацистской Германии. Министр финансов Г. Моргантау даже «пытался разработать ряд предложений для того, чтобы остановить растущую угрозу с её стороны» [29].

По поручению Рузвельта и Хэлла в сентябре 1934 г. У. Додд проинформировал Гитлера о том, что отношения Германии и США не улучшатся, пока в США будут убеждены, что Германия готовит новую войну [7, с. 192]. Предупреждение со стороны администрации Рузвельта не могло оказать значительного влияния на политику Германии, направленную на ревизию Версальского договора. Тем не менее, США хотели показать, что не намерены поощрять стремление Германии изменить европейское равновесие сил в свою пользу.

К тому времени у правящих кругов США были доказательства, что Германия в нарушение договорных обязательств создает ВВС и быстро наращивает производство самолетов в стране. У. Додд прямо сказал президенту рейхсбанка Я. Шахту: «В январе-феврале 1934 г. Германия купила у американских самолетостроителей первоклассных аэропланов на сумму в 1 млн долларов». Шахт был еще более откровенен, признав, что «НСДАП полна решимости начать войну, народ к ней готов и хочет ее» [Там же].

После таких слов все сомнения о намерениях Германии, если они еще у кого-то оставались, должны были исчезнуть. Рузвельт писал Додду: «В ближайшие полгода-год что-то должно произойти, учитывая общий ход событий в Германии и некоторых других европейских странах. Я тоже, как и вы, с тяжелым сердцем наблюдаю за событиями в Европе, высматриваю какой-нибудь проблеск надежды, который дал бы мне возможность протянуть Европе руку помощи. Но на данный момент такой возможности нет» [27, р. 186-187].

8 сентября Германия отказалась присоединиться к «Восточному пакту», договору о взаимопомощи, предложенному СССР и Францией в качестве гарантии всеобщей безопасности. Германское правительство отмечало: «Лучших результатов можно добиться через двусторонние соглашения. Их легче приспособить к конкретным условиям» [24, в. III, р. 401]. США также выступили против этого предложения: К. Хэлл в инструкции Н. Дэвису от 2 апреля 1934 г. предупреждал, что Вашингтон не может себе позволить так далеко зайти в сотрудничестве с Европой [44, в. I, р. 37-38].

12 декабря Додд в беседе с чиновником МИД Германии особо отметил «растущее беспокойство в США по поводу перевооружения Германии» [24, в. III, р. 736]. Беспокойство в связи с действиями Германии в небольшой степени способствовало тому, что в 1935 г. военные расходы США были увеличены на 180 млн долл. и составили 792 млн долл. [33, р. 5].

Первым важным территориальным приобретением для Германии при Гитлере стала Саарская область, которая имела развитую угольно-металлургическую базу. Согласно Версальскому договору, дальнейший статус этой территории, находящейся с 1920 г. под временным управлением Лиги Наций, должен был определить плебисцит в 1935 г.

13 января 1935 г. большинство населения Саарской области (90,8%) высказалось за присоединение к Германии. Гитлер немедленно заявил: «Возвращение Саарской области в рейх будет способствовать окончательному улучшению отношений между Францией и Германией и, тем самым, обеспечению мира в Европе» [3, д. 8, л. 87].

1 марта 1935 г. Саар официально стал территорией Германии. Но Саарская область была единственной территорией, на которую Германия могла претендовать в рамках Версальских договоренностей. До плебисцита в Сааре Германия не заявила бы о пересмотре статей Версальского договора, успех плебисцита одновременно предзнаменовал начало нового этапа во внешней политике Германии.

Тем временем благоприятно для Германии разрешился ещё один вопрос, который был крайне важен для администрации Рузвельта, — о вступлении США в Международный суд. Президент верил, что присоединение к протоколам о вступлении в эту организацию будет воспринято всеми странами как символическое одобрение США международного мира [22, р. 95].

Борьба по поводу вступления в суд не ограничилась стенами Конгресса. Изоляционисты организовали шумную кампанию против участия США в какой-либо международной организации. Они утверждали, что вступление США в Международный суд будет означать вмешательство в европейские дела, а это повлечет за собой войну.

В Сенат поступило около 200 тысяч телеграмм с требованием голосовать против вступления в Международный суд. Эти телеграммы четко обозначили то, что сенаторы и так уже знали: американский народ настроен против любого вмешательства в европейские дела.

В итоге, когда 29 января дело дошло до голосования, 52 сенатора одобрили протоколы о вступлении в Международный суд, 36 проголосовали против вступления [43, р. 1125]. Не хватило семи голосов, чтобы были набраны необходимые по закону 2/3 в поддержку предложения. Администрация не могла скрыть своего разочарования: потенциальные агрессоры могли расценить это решение как позитивный фактор в их внешнеполитических прогнозах относительно участия США в европейских делах.

В Берлине внимательно следили за ходом обсуждения резолюции в Сенате, а после отклонения резолюции был сделан соответствующий вывод: традиционная политика невмешательства продолжается. Посольство США в Берлине подчеркивало, что в будущих европейских событиях «фактор США, всегда столь значимый в Германии, не будет учитываться» [16, р. 476].

Госдепартамент и Рузвельт рассматривали это поражение как некую поворотную точку во внешней политике Соединенных Штатов: им стало ясно, что общественные настроения на данный момент не допускают даже символического шага на пути вовлечения США в международные дела. После неудачи в вопросе о Международном суде Рузвельт считал, что для США стал неизбежен «период несотрудничества во всём», который будет длиться «весь следующий год или два» [27, р. 386].

1-3 февраля 1935 г. в Лондоне прошли очередные переговоры Англии и Франции, результатом которых стала обширная программа, предусматривавшая всеобщее разоружение, гарантию независимости Австрии, заключение Восточного пакта. Кроме того, Франция и Англия заявили о готовности признать право Германии на равноправие в вооружениях при условии вступления Германии в Лигу Наций, заключения Восточного и Дунайского пактов, заключения воздушной конвенции между Германией, Францией и Англией.

Д. Саймон обратился с просьбой к США поддержать публично эту декларацию, и 7 февраля Хэлл одобрил действия Саймона в личном послании [45, v. I, р. 192-193]. Спустя неделю правительство Германии предложило Великобритании провести переговоры в Берлине касательно этой программы.

Но 26 февраля 1935 г. кабинет министров Германии одобрил секретный указ о создании ВВС, и в связи с этим намечавшийся визит Д. Саймона был некоторое время нежелателен. Поводом отложить визит стала публикация 4 марта в Великобритании докладной записки в форме «Белой книги», представленной Лондонской палате общин по вопросу о национальной обороне. В ней особое внимание уделялось перевооружению Германии: «Это перевооружение, если продолжится в том же объеме, может создать ситуацию, при которой мир будет в опасности» [24, v. III, р. 979]. 5 марта стало известно о «болезни» Гитлера, и визит Саймона пришлось отложить.

А уже 9 марта 1935 г. Герман Геринг объявил о существовании ВВС Германии. Это было давно всем известно, поэтому не последовало ни одного протеста. Администрация Рузвельта также не выступила против легализации военной авиации Германии.

Возможно, такое легкое решение важной внешнеполитической задачи вдохновило Гитлера на ещё более открытое нарушение Версальских договоренностей.

Около полудня 14 марта 1935 г. Гитлер сообщил своему адъютанту Ф. Хоссбаху о своем намерении объявить о введении всеобщей воинской повинности [37, S. 95]. На тот момент об этом решении канцлера не знал ещё никто. МИД и руководство армии были информированы об этом днём позже. 15 марта кабинет министров одобрил решение Гитлера, причём только В. фон Бломберг выразил озабоченность реакцией великих держав.

16 марта 1935 г. Геббельс зачитал перед немецкими и иностранными корреспондентами «Закон о воссоздании вооруженных сил». Из закона следовало, что теперь «служба в вооруженных силах Германии производится на основе всеобщей обязательной воинской повинности», и германская армия мирного времени составит 12 корпусов или 36 дивизий общей численностью 550 тыс. человек [11, с. 265].

Додд спросил Шахта: что это означает? Тот ответил: это означает мир в Европе [7, с. 250]. Что это означало на практике? Одностороннее расторжение Германией военных статей Версальского договора. На этом первая фаза внешнеполитической программы Гитлера была завершена. Одновременно с введением всеобщей воинской повинности был восстановлен Генштаб сухопутных сил и открыта Военная академия.

Стоит отметить, что нацистское руководство изначально рассматривало введение всеобщей воинской повинности как создание важнейшей предпосылки для обретения внешнеполитической свободы действий.

Причиной такого шага называлось решение Франции о введении двухлетнего срока службы. Разумеется, это был только предлог. Нейрат поспешил отметить, что «публикация закона не означает, что Германия отказывается вести переговоры по вопросам вооружения, просто теперь они будут проходить на равной основе» [24, v. III, р. 1014].

Гитлер также стремился успокоить мировую общественность. В интервью, отвечая на вопрос, считает ли Германия себя связанной Версальским договором в части территориальных обязательств, Гитлер заявил: «Факт введения всеобщей воинской повинности в Германии касается только тех пунктов Версальского договора, которые, благодаря уклончивому отношению других государств к вопросам вооружения, в действительности уже давно потеряли свою силу» [3, д. 8, л. 94].

В первую очередь Гитлера волновала реакция Англии и Франции. Британская (18 марта) и французская (21 марта) ноты протеста его совершенно успокоили. Англичане, несмотря ни на что, хотели, чтобы визит Саймона состоялся в рамках ранее достигнутых договоренностей. Осуждение введения всеобщей воинской повинности Францией и (в апреле) Советом Лиги Наций не таило в себе угрозы для Гитлера: это были только слова.

Но на этот раз Германия нарушила и сепаратный мирный договор с США, подписанный 25 августа 1921 г. В его первой статье подчеркивалось, что «США имеют все права и преимущества по Версальскому договору, несмотря на то, что он не был ратифицирован. Среди всего прочего это включает и пятый раздел Версальского договора, устанавливающий военные ограничения для Германии» [31]. Таким образом, чтобы освободить себя от военных статей договора, Германия должна была получить согласие не только союзников, но и США.

В первые дни американская сторона вела себя сдержанно. 18 марта посол Бельгии в Вашингтоне Э. де Линь попытался выяснить американскую позицию на этот счёт. Неофициально руководитель европейского отдела Госдепартамента Дж. Моффат ответил ему следующее: «США ни при каких обстоятельствах не хотят быть вовлечены в европейский конфликт» [45, v. II, р. 303].

20 марта Рузвельта попросили на пресс-конференции прокомментировать ситуацию с перевооружением Германии. Президент ответил: «Мы можем только придерживаться общих принципов политики “добраго соседа” и надеяться, что эти принципы получат свое распространение в Европе и поспособствуют мирному решению таких важных проблем как сокращение вооружений» [27, р. 447].

Посол Германии в США Г. Лютер сообщал в МИД: «По конфиденциальной информации правительство США пока решило не предпринимать никаких шагов... В Конгрессе присутствуют определенные колебания в сторону того, что шаг Германии был оправдан» [24, в. III, р. 1027].

В Госдепартаменте считали, что США следует послать Германии ноту протеста, совершенно другими были настроения в Конгрессе и Белом доме. У. Филлипс вспоминал: «Мы провели много времени, обсуждая и составляя проект ноты Германии, но президент был на тот момент против вовлечения в европейскую ситуацию» [42, р. 165]. Госдепартамент в итоге подготовил умеренную ноту протеста, но и ее не послали. Рузвельт позднее заявил, что «США в настоящее время предпочитают не вмешиваться в европейские дела, а нота протеста была бы таким вмешательством» [13, с. 31].

22 марта Хэлл определил официальную позицию Вашингтона, отметив, что «администрация обеспокоена тенденцией игнорировать дух и букву существующих договоров». Госсекретарь выразил надежду, что «усилия европейских держав, направленные на то, чтобы снизить возникшее напряжение, будут успешными для достижения общего умиротворения» [45, в. II, р. 311]. В этом заявлении Хэлл откровенно избегал любого прямого осуждения действий правительства Германии. Официального осуждения введения всеобщей воинской повинности со стороны США так и не последовало.

Введение Германией всеобщей воинской повинности не осталось незамеченным в Соединенных Штатах. Г. Лютер писал в МИД о том, что «общественное мнение США переключает внимание на события в Европе, и фактором беспокойства, прежде всего, является Германия» [17, в. IV, с. 24]. В это время в США уже полным ходом шла разработка законодательства о нейтралитете, первые варианты которого появились еще в 1934 г. 19 марта прошла встреча Рузвельта с комиссией Дж. Ная, на которой президент попросил членов комиссии разработать проект законодательства о нейтралитете. Можно предположить, что именно введение всеобщей воинской повинности в Германии побудило президента более серьезно отнестись к проблеме данного законодательства.

Обеспокоенность президента действиями Гитлера ярко проявилась в его концепции блокады Германии, изложенной в письме полковнику Е. Хаузу 10 апреля 1935 г., накануне конференции в Стресе. Англия, Франция и Италия собирались обсудить в Стресе возможность применения санкций в отношении Германии. Рузвельт писал Хаузу: «Если Франция, Италия, Великобритания и страны “Малой Антанты” решат действовать, лучше не вторгаться в Германию, а осуществить полную блокаду всех ее границ... Если бы мы сочли блокаду эффективной, то немедленно признали бы ее. Это не бойкот и не экономические санкции, но эффект будет тот же. И не понадобится одобрение Конгресса. Я высказываю такое предложение, потому что до меня доходят слухи о том, что нечто подобное будет обсуждаться в Стресе...» [36, р. 135].

Стоит отметить, что эта схема не учитывала как существующие дипломатические связи (пакт Германии и Польши), так и растущие изоляционистские настроения в США. Так или иначе, бездействие государств на конференции в Стресе быстро развенчало надежды Рузвельта на коллективные действия в отношении Германии. 16 апреля 1935 г. он написал Додду: «Я чувствую себя абсолютно неспособным предпринять что-либо для укрепления мира ни сейчас, ни в будущем» [28, р. 475].

Итак, уже в марте 1935 г. Германия выполнила важнейшую внешнеполитическую задачу: введение всеобщей воинской повинности и ликвидация в одностороннем порядке военных статей Версальского договора были значимым достижением первых лет правления Гитлера. Политика «мнимого миролюбия», наглядным примером которой является германо-польская декларация о мирном разрешении споров и неприменении силы, на практике доказала свою эффективность: в случае нарушения Германией международных норм западные державы не заходили дальше формальных протестов. Это и было нужно Гитлеру.

Целью Германии в ее политике по отношению к США было сохранить невмешательство Соединенных Штатов в ход европейских событий. На данном этапе это удалось. Перевооружение Германии, введение всеобщей воинской повинности, напряженная обстановка в Европе – всё это не могло не сказываться на настроениях американского общества.

В 1933-1935 гг. стремление общественности дистанцироваться от европейских проблем, не участвовать в решении не касающихся США вопросов проявлялось всё чаще и постепенно начинало оказывать прямое влияние на политику администрации. Поражение Рузвельта в вопросе о вступлении США в Международный суд, разработка законодательства о нейтралитете служат тому примером. В Конгрессе изоляционисты иногда занимали откровенно прогерманскую позицию: в частности, они считали введение всеобщей воинской повинности в Германии правомерной акцией.

Но была заметна и другая тенденция – рост обеспокоенности по поводу односторонних действий Германии. Рузвельт, Хэлл и все заинтересованные лица в Госдепартаменте были полностью информированы о ходе перевооружения. Официальная нота протеста США в связи с нарушением мирного договора 1921 г. не была послана в Берлин, но Рузвельт всерьез рассматривал возможность присоединения США к коллективным санкциям.

Тем не менее, хотя в речах Рузвельта, Хэлла и других «интернационалистов» нередко проскальзывало опасение в связи с действиями Гитлера, хотя они были встревожены тем, что американские компании поставляли в Германию военную технику и вооружения, реальных мер против Германии администрация не предпринимала: нельзя было не учитывать изоляционистские настроения американского общественного мнения. На данном этапе изоляционизм оказался сильнее.

Рост изоляционизма в США и разработку законодательства о нейтралитете в Германии восприняли как доказательство того, что на данный момент можно не придавать серьезного значения «фактору США» при проведении своей внешней политики.

Хотелось бы отметить, что США, и тем более Великобритании и Франции, необходимо было корректировать свою политику в отношении Германии уже после введения всеобщей воинской повинности, одностороннего пересмотра ею военных статей Версальского договора. Уже в 1935 г. стало ясно, что формальные протесты не остановят Гитлера, не помешают ему нарушить международные нормы.

Конечно, не стоит забывать, что США, в отличие от Франции и Великобритании, не подписали Версальский договор и не взяли на себя обязательств по сохранению послевоенного статус-кво в Европе. Но Соединенные Штаты подписали сепаратный договор с Германией, который был основан на принципах Версальских договоренностей и позволили Гитлеру нарушить его постановления. Исходя из этого, можно сделать вывод: уже в 1933-1935 гг. начала постепенно складываться политика США в отношении Германии — политика уступок и нейтралитета, которая мало чем отличалась в будущем от политики «умиротворения» Великобритании и Франции.

Список литературы

1. Андреева Е. А. Гитлеровская политика экспансии и геноцида (1933-1940 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. 156 с.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 82. Оп. 17.
3. АВП РФ. Ф. 82. Оп. 19.
4. Бетмакаев А. М. Политика Германии в отношении США в 1933-1936 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. 194 с.
5. Горохов В. Н. История международных отношений. 1918-1939 гг.: курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 288 с.
6. Дашичев В. И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945: исторические очерки, документы и материалы: в 4-х т. М.: Наука, 2005. Т. 1. 524 с.
7. Додд У. Дневник посла Додда: 1933-1938 гг. / пер. с англ. В. Мачавариани, В. Хинкиса. М.: Грифон М, 2005. 480 с.
8. Иванов Л. Н. Крах конференции по разоружению. Харьков: Украинский работник, 1934. 464 с.
9. Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Преступник № 1: нацистский режим и его фюрер. М.: Новости, 1981. 432 с.
10. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1363к. Оп. 6.
11. Сборник документов по международной политике и международному праву. М.: НКВД, 1936. Вып. X. 287 с.
12. Скорнякова С. С. Роль правящих кругов США в поощрении агрессивной внешней политики гитлеровской Германии в 1933-1937 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 193 с.
13. Скорнякова С. С. США и проблемы коллективной безопасности в Европе в середине 1930-х гг. // Международные отношения накануне Второй мировой войны. СПб.: Рос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 1993. С. 28-37.
14. Уткин А. И. Дипломатия Рузвельта. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 544 с.
15. Ферстер В. Противостояние фюреру. Трагедия руководителя немецкого Генштаба. 1933-1944 / пер. с нем. А. Фроловой. М.: Центрполиграф, 2008. 256 с.
16. Accinelli R. D. The Roosevelt Administration and the World Court Defeat, 1935 // The Historian. 1978. Vol. 40. № 3.
17. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (1918-1945). Serie C (1933-1937). Das dritte Reich: die ersten Jahre. Göttingen, 1971. Band II, IV.
18. American Year Book: a Record of Events and Progress 1934. N. Y., 1935.
19. Buell R. Isolated America. N. Y., 1940.
20. Calic E. Ohne Maske. Hitler-Breitung Geheimgespräche 1931. Frankfurt am Main, 1968.
21. Dahlheimer H. The USA, Germany and the Quest for Neutrality, 1933-1937. Iowa, 1976.
22. Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932-1945. N. Y., 1979.
23. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1933. Dezember 30.
24. Documents on German Foreign Policy (1918-1945). Series C (1933-1937). The Third Reich: First Phase. L., 1957. Vol. I, II, III.
25. Dulles A. W. Germany and the Crisis in Disarmament // Foreign Affairs. 1934. Vol. 12. № 2.
26. Feis H. 1933: Characters in Crisis. Boston, 1966.
27. Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs. Cambridge, 1969. Vol. II
28. Franklin D. Roosevelt: His Personal Letters (1928-1945). N. Y., 1950. Vol. I.
29. Franklin D. Roosevelt Library, Hyde Park, New York (FDRL). Morgenthau, Henry Jr. Writings: Years of Crisis. Background of Fascist Aggression (1934-1937).
30. FDRL. President's Secretary's File. Roosevelt, Franklin D.: Papers as President. Diplomatic Correspondence. Germany: 1933-1938. Bullitt to Roosevelt. 1934. April 24.
31. FDRL. President's Secretary's File. Roosevelt, Franklin D.: Papers as President. Disarmament Conference: 1933-1935. Treaty Provisions Governing German Military Obligations toward the United States. 1933. May 6.
32. FDRL. Roosevelt, Franklin D.: President's Personal File. Cudahy, John. Roosevelt to Cudahy. 1934. January 8.
33. FDRL. Samuel I. Rosenman Papers. Press Conference № 172. 1935. January 5.
34. FDRL. Small Collections. Cudahy, John. Correspondence with Franklin D. Roosevelt, 1933-1940. Cudahy to Roosevelt. 1933. December 27.
35. FDRL. Toland Papers. Hitler, Adolf, 1931-1937. The German Army Expansion, 1934.
36. Franklin D. Roosevelt: Selected Speeches, Messages, Press Conferences and Letters. N. Y., 1957.
37. Hossbach Fr. Zwischen Wehrmacht und Hitler, 1934-1938. Hannover, 1949.
38. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. I.
39. Meinck G. Hitler und die deutsche Aufrüstung 1933-1937. Wiesbaden, 1959.
40. New York Times. 1934. March 8.
41. Peace and War. United States Foreign Policy 1931-1941. Washington, 1943.
42. Phillips W. Ventures in Diplomacy. Boston, 1952.
43. United States Congress. Congressional Record. Washington, 1935. Vol. 79. Proceedings and Debates of Sessions of 74-th Congress.
44. United States Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1934. Washington, 1935. Vol. I, II.
45. United States Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1935. Washington, 1936. Vol. I, II.

GERMAN POLICY OF VERSAILLES TREATY UNILATERAL REVISION AND THE U.S. REACTION (OCTOBER 1933 - MARCH 1935)

Aleksandr Vladimirovich Pavlyuchenko

Department of Modern and Contemporary History of Europe and America

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

satirzenit@yandex.ru

The author tends to explain the inaction of the Western powers and, above all, the passive reaction of the USA to the German rearmament after its withdrawal from Geneva Conference on Disarmament, and substantiates that the U.S. reaction to the German policy aimed at Versailles Treaty revision is of particular interest due to the fact that the German-American relations during the early years of Adolf Hitler and Franklin D. Roosevelt governing are relatively poor studied.

Key words and phrases: German-American relations; Adolf Hitler; Franklin Roosevelt; policy of “imaginary peacefulness”; Versailles Treaty revision; Geneva Conference on Disarmament; introduction of universal military service.

УДК 94(73).091.7

Исторические науки и археология

В статье рассматривается сущность миротворческого обращения президента США Франклина Рузвельта к рейхсканцлеру Германии Адольфу Гитлеру, состоявшегося 15 апреля 1939 г. Автор выявляет цели Рузвельта, а также подробно анализирует ответное выступление Гитлера в Рейхстаге, во время которого фюрер отринул предложенные инициативы, подверг критике внешнюю политику США и представил агрессивные действия Германии на международной арене как обоснованные шаги на пути восстановления нарушенной Версальским договором исторической справедливости.

Ключевые слова и фразы: Франклин Рузвельт; Адольф Гитлер; Соединенные Штаты Америки; Германия; внешняя политика; политика умиротворения; агрессия.

Орест Викторович Петросянц

Кафедра новой и новейшей истории

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

orest.petrosyants@gmail.com

ОБРАЩЕНИЕ ФРАНКЛИНА РУЗВЕЛЬТА К АДОЛЬФУ ГИТЛЕРУ 15 АПРЕЛЯ 1939 Г. И АМЕРИКАНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ[®]

Весенние месяцы 1939 г. были отмечены стремительным ростом международной напряженности в Европе. 15 марта нацистская Германия провела быстротечную операцию по ликвидации Чехословакии. 22 марта Литва подписала с Германией соглашение о передаче ей Мемеля (Клайпеды) – стратегически важного портового города с прилегающей территорией. 7 апреля войска Италии, ближайшего союзника «третьего рейха», вторглись на территорию Албании и в течение нескольких дней без каких-либо усилий оккупировали это небольшое балканское государство.

Тревожные процессы, происходившие в Старом свете, вызывали пристальное внимание Соединенных Штатов Америки, чья европейская внешнеполитическая линия была ориентирована на умиротворение агрессивных держав. Безрезультатность курса на умиротворение агрессора особенно ярко проявилась после заключения в сентябре 1938 г. Мюнхенского соглашения, являвшего собой пик подобной политики. Тем не менее, это не стало препятствием для стремления администрации США оказать содействие разрешению европейских межгосударственных противоречий. Крайняя нестабильность ситуации в Европе побудила высшее американское руководство выступить с попыткой мирного посредничества. Она нашла свое выражение в составленном в миротворческом духе обращении президента США Франклина Рузвельта, направленном 15 апреля 1939 г. рейхсканцлеру Германии Адольфу Гитлеру. Рассмотрение этого документа, являющегося во многом уникальным в дипломатической практике, сопряжено с решением ряда исследовательских задач. Выявление сущности выдвинутых президентом инициатив поможет установить степень их соответствия сложившемуся международному контексту. Анализ реакции на послание Рузвельта, последовавшей с немецкой стороны 28 апреля во время выступления Гитлера в Рейхстаге, будет способствовать определению позиций, занятых фюрером в вопросах, упомянутых лидером США.

Как справедливо отмечается в историографии [8, р. 84], существует несколько версий происхождения данного документа. Государственный секретарь К. Хэлл упоминал, что идея о подобном обращении к Гитлеру была подсказана президенту послом США во Франции У. Буллитом, который в своих донесениях регулярно сообщал о тревожившей его нестабильности в Европе и призывал Рузвельта «предпринять хоть что-нибудь»